

0 чем рассказала Нурджемал

Category: Edebi makalalar, Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025

0 чем рассказала Нурджемал 0 ЧЕМ РАССКАЗАЛА НУРДЖЕМАЛ

Она родилась в Кизыл-Арвате. Семья Дурдыевых – рабочая. Отец трудился на вагоноремонтном, а в 1927 году, когда здоровье стало сдавать перешел в пригородный колхоз. Мать – работница ковровой фабрики.

Одаренная школьница едет на учебу в Ашхабад, в студию при театре им. Молланепеса. Но, окончив учебу, актрисой она не стала – влекла еще и журналистика.

Потом проявился ее организаторский дар... Но рассказ о главных вехах пусть продолжит сама Нурджемал с которой мне много раз довелось встречаться и беседовать. Некоторое, из ее рассказов я записал почти дословно.

• Сажусь к микрофону

В газете «Совет Туркменистаны» я начинала с корректуры, потом стала литсотрудником. Своего заведующего отделом Тогалака-ага называла отцом. Еще бы: пошлет на совещание за информацией – а когда отпишусь, каждую строчку вместе со мной разбирает. И как же пригодилась это наука – работать над каждым словом – позднее, на радио!

Сначала я была диктором, в 1937 году стала редактором детской редакции, а два годя спустя – заместителем председателя радиокomiteта. Мне здорово повезло – ведь рядом работали замечательные люди: писатели Ата Каушатов, Хаджи Исмаилов, Нурмурад Сарыханов. Часто приходили на радио композитор Дангатар Овезов, писатели Берды, Кербабаев, Помма Нурбердыев, Рахмет Сейидов.

Дикторскую работу я очень любила. И хоть стала «начальством», верна была своей привычке: заболит диктор или не придет на передачу артист – сама сажусь к микрофону. Всегда гордилась тем, что Аман Кекилов, принося на радио свои новые

произведения, обязательно просил председателя радиокomiteта А.Заруцкого: «Пусть прозвучит в исполнении Нурджемал».

• **Война начиналась так...**

Никого из руководства республики в то утро в городе не было: воскресенье, все уехали на отдых в Фирюзу. И вдруг звонок из Москвы: «Включите радио, и люди пусть будут на местах». Я бросилась искать нашего техника Кабанова: «Видно, что-то важное будут передавать. Может, запишешь?» И в этот момент из Москвы донесся голос Левитана...

Мы полностью записали выступление, и я тотчас же позвонила в Фирюзу, секретарям ЦК КП(б)Т Фомину и Ш.Батырову. Минут через 40 около радио комитета остановилась машина: они приехали прослушать запись. Через несколько дней Указом Президиума Верховного Совета меня за оперативность наградили Почетной грамотой...

В начале войны меня перевели заведовать отделом театров управления искусств при Совете Народных Комиссаров ТССР. Но когда в марте 1944-го встал вопрос о назначении нового председателя радиокomiteта, во Всесоюзном радио вспомнили обо мне и сказали: «Назначьте Дурдыеву»...

... Война шла к концу – это понимали все, но никто не знал, когда же передадут сообщение о Победе. Ночью в своем кабинете я одна слушала радио (в радиокomiteте у нас оставили только один приемник, остальные изъяли). И вдруг услышала: «... будет передано важное сообщение».

Тут же позвонила домой Шадже Батырову: «Проснитесь, война кончилась!» – «Что ты сказала?» – «Война кончилась! Вставайте же!» Так я поднимала еще многих на ноги. Утром, в часов восемь, Шадже Батырович приехал в радиокomiteт. В тот день на площади был большой митинг. По радио он транслировался по всей республике. Я – председатель комитета – вновь почувствовала себя юным диктором, встав у микрофона. Фа разве может быть счастье больше, чем принести народу победную весть?

• **Таинственное письмо**

Руководитель коллективом радиожурналистов не просто. А ведь у меня было еще и свое любимое, заветное занятие. Я решила собрать на радио записи всех известных туркменских бахши и музыкантов. объездила Тащаузскую, Марыйскую области, сама делала записи. Именно благодаря этим записям народ смог познакомиться с творчеством Махтумкулы Гарлы, Ораза Салыра, Хыдыра бахши, Гарлы-бахши, Нобата-бахши, Мыллы Тачмурадова, Пурли Сарыева, Сапара Беки.

Особенно сблизилась я с Мыллы Тачмурадовым. Мыллы-ага мог прийти ко мне домой за советом даже в самый поздний час. Однажды принес письмо из Горгана.

Я удивилась: что за спешка? Ведь было уже за полночь. А Мыллы-ага был растерян. «Смотри что написано: «Дядя мы слушаем музыку, которую ты исполняешь» но письмо аж из Ирана! Выходят, у меня есть родня за рубежом?» У него даже лицо побледнело.

– А что дальше сказано?

– Не знаю. Дальше по-арабски... Я не могу прочитать

– Я тоже не могу. Мыллы-ага. Но есть ребята, которые сумеют. – И я забрала у него письмо. – Идите домой, отдохайте и не волнуйтесь.

Между прочим разволновался наш замечательный музыкант не зря. В ту пору всеобщей подозрительности иметь за границей родню было весьма небезопасно.

А в письме было вот что: «Мы живем в Горгане. Мой отец давно переехал в Иран, сам я родился и вырос здесь. Но мы очень любим и всегда слушаем вашу музыку, и сами исполняем ее по радио Горгана. Желаем вам, дядя, долгих лет жизни».

День спустя я вызвала Мыллы-агак себе и сказала: «Вот, прочитайте перевод, ничего страшного в письме нет. И не думайте, что там родственники, если они называют вас дядей... Это же – из уважения!»

• **Общая наша беда**

... Землетрясение. Семья моя погребена под руинами. Но первой моей мыслью было: «Как там, в радиокомитете?» Побежала туда. Глазам предстала страшная картина: здание разрушено. Пошла в

радиоузел, а там все стены в трещинах.

Начальнику узла поручила узнать, удастся ли выйти в эфир, а сама – домой. Добежала почти одновременно с братом. Мы до самого утра разгребали завалы. Откопали из-под земли двух моих детей и маму... И, у живущих поблизости Анна Ковусова и Сейитнияза Атаева семьи погибли. Развели мы костер, сели вокруг него. «Ну вот, все мы остались одинокими. Будем братьями и сестрами», – сказали мы тогда друг другу.

Похоронили, оплакали близких – и за работу. Главной целью было успокоить народ. Люди во всех уголках республики должны были знать: говорит радио – значит, жив город! Во дворе радиокомитета раскинули палатку, я в ней и поселилась. И сама начала первую передачу с привычных слов «Говорит Ашхабад!»

Уже позднее я побывала в командировке в Мары. Завернула в дом Ага Юсупа Али, чтобы выпить чаю, и он мне рассказал: «Мы ждали: когда же заговорит радио? И вдруг из репродуктора, который очень долго молчал, раздался ваш голос. Я тогда всех знакомых стал созывать: «Скорее сюда, Ашхабад жив! Дурдыева говорит!»

Вскоре была создана правительственная комиссия. Она выдала в мое распоряжение автобус с аппаратурой. Взяв в руки микрофон, я ездила по городу и сообщала людям о выводах комиссии, о том, что вся страна спешит на помощь ашхабадцам.

• **Память о друге**

Несговорчивая я была, что и говорить, а это не каждому по душе. Вот почему став, как сейчас говорится, «функционером» (а было это в 1953 году), я на партийной работе продержалась недолго – до октября 1958. И тогда меня направили в Красноводск заведовать городским отделом культуры. Там я проработала около 18 лет. Многие, мне кажется, удалось сделать. Мы создавали молодежные ансамбли, выявили юные таланты. Потом я стала там же в Красноводске, директором городского музея, занялась строительством его нового здания... Шли годы. В Ашхабад, назад, конечно, тянуло. Но все не удавалось. К кому же обратиться, кто поможет? Когда я работала

на радио, очень любила стихи Кара Сейитлиева. Он часто приносил свои произведения, посвятил мне шуточные стихи. Я верила: добрый старый друг – министр культуры – меня поддержит. Но... послала письменное заявление и получила отказ. Тогда я приехала к нему сама.

– Кара, неужели в Ашхабаде и в самом деле для меня нет работы? – спрашиваю. – Даже для собаки и птицы найдется место в родном уголке, а для меня значит, нет?» А он молчит. Видно, его заставили мне отказать, – а теперь сидит и не знает, что же ответить? Это же страшно- если не в твоей власти друга защитить... Обиженная я вышла из кабинета.

Уже позднее я узнала, как тяжело переживал эту размолвку Кара Сейитлиев. Когда он тяжело заболел и лежал в больнице, то попросил: «Позвоните Нурджемал, пусть приедет».

Тут уж не до обид, если со старым другом плохо. Приезжаю. Говорит: «Ну вот, сестра, умру я скоро». А я ему: «Эй, Кара, умирают не те, кто лежит, а чей срок подошел. Даст бог, ты еще встанешь на ноги». – «Да нет, сестра, теперь уже конец». Он сунул руку под подушку и протянул мне листок бумаги. То были стихи о близкой смерти. Я прочитала пару строк – на глаза навернулись слезы. «Кара, я не могу дальше читать! Ты уж меня прости!».

Попрощавшись, я уехала в Красноводск. А два дня спустя снова вылетела в Ашхабад, чтобы проводить друга на последний путь...

От Автора: В конце минувшего года Нурджемал Дурдыева отметила свое 70-летие.

«А что если бы вам пришлось все начинать сначала?» – спросил я ее тогда. И услышал в ответ: «Я бы вновь начала непримиримую борьбу с теми, кто копает другимяму, подставляет подножку, кто клеветает на товарищей. Я бы открыла широкую дорогу молодежи».

Нурджемал Дурдыева дважды избиралась депутатом Верховного совета Туркменистана и дважды – Верховного Совета страны. У нее много высоких наград. Но по-особому дороги ей нагрудные знаки «Почетный радио-работник СССР» и «Отличник культуры СССР».

Ровесники еще помнят публикации Нурджемал в центральных

газетах и журналах – острые, боевые. Но мало кто знает о том, что в конце пятидесят восьмого года должна была вот-вот выйти ее книга «Женщины Туркменистана». Но едва Дурдыеву «убрали» с партийной работы, книгу тотчас же запретили печатать...

Я спросил у Нурджемал Аннакулиевны «Что для вас в этом мире самое радостное и самое печальное?» она ответила: «Работа спорится вот моя радость, работа не ладится – вот моя печаль. И еще моя радость – друзья. Особенно много их у меня в Москве. В день рождения они мне вручили памятный адрес и подписались: «От московской родни.

Когда я встречаюсь, со своими друзьями, беседую, спорю, смеюсь – большей радости не надо... А в прошлое смотрю спокойно и никого ни в чем не виню. Время – так или иначе – все расставит по местам».

А.Чуриев.

«Туркменская искра» 14.03.1992 год. Edebi makalalar